

Я вспоминаю миссис Скорби, умершую не так давно. Семья ее на удивление посвежела. Муж не глядит затравленно и даже иногда смеется. Младший сын оказался не таким уж мрачным. Старший, который только спал дома, теперь никуда не ходит и трудится в саду. Дочь, которую считали «болезненно-хрупкой», ездит верхом, танцует ночи напролет, а днем играет в теннис. Даже собака бегают по улице и знается с другими псами.

Миссис Скорби часто говорила, что живет для семьи. Она не лгала. Все у нас знали, что так оно и есть. «Вот это жена! – говорили люди. – Вот это мать!» Стирала она сама, и стирала плохо, но ни за что на свете не соглашалась отдать белье в прачечную. Когда бы кто ни вернулся, его ждал горячий ужин, даже в середине лета. Муж и дети умоляли ее, плакали, заверяли, что больше любят холодное. Ночью она не ложилась, пока все не придут. В два ли часа утра, в четыре ли вы находили на кухне худую, изможденную женщину, с неммым упреком глядевшую на вас. Конечно, члены ее семьи старались приходить пораньше. Она сама шила, по ее мнению, очень хорошо, и только отпетый мерзавец смог бы отказаться от ее изделий. (Священник рассказывал, что после ее смерти семья отдала «для бедных» больше вещей, чем весь приход, вместе взятый.) А как она заботилась о здоровье близких! Она несла одна бремя таинственной болезни, которой страдала дочь. Врач, старый ее друг, разговаривал только с ней, пациентка ничего о себе не знала. Зачем ей волноваться? Мать жалела и пестовала ее, готовила диетическую еду, варила кошмарные напитки, поднимающие тонус, подавала все в постель. Остановить ее никто не мог. Но родные, люди хорошие, не могли и лениться, пока она трудится. Они ей помогали – помогали ей делать для них то, что им не было нужно. Собаку она тоже изводила, но та, за отсутствием совести, все же вырывалась на помойку или к соседу-псу.

Священник говорит, что миссис Скорби обрела мир. Будем надеяться, что это правда. А вот семья ее несомненно мир обрела. Нетрудно понять, в чем здесь ошибка. Материнская любовь – прежде всего дар. Но дарует она, чтобы довести ребенка до той черты, после которой он в этом даре нуждаться не будет. Мы кормим детей, чтобы они со временем сами научились есть; мы учим их, чтобы они выучились, чему нужно. Эта любовь работает против себя самой. Цель наша – стать ненужными. «Я больше им не нужна» – награда для матери, признание хорошо выполненного дела. Но инстинкт по природе своей этому противится. Он тоже хочет ребенку добра, только – своего, от матери исходящего. Если не включится более высокая любовь, которая хочет любимому добра, откуда бы оно ни исходило, мать не сдастся. Чаще всего так и бывает. Чтобы в ней нуждались, мать выдумывает несуществующие нужды или отучает ребенка от самостоятельности. Совесть ее при этом чиста; она не без оснований думает, что любовь ее – дар, и выводит из этого, что эгоизма в ней нет.

(К.Льюис Любовь)